

ХРАМОВОЕ БАРОККО ТОТЬМЫ
И ПРИБАЙКАЛЬЯ КОНЦА XVIII СТОЛЕТИЯ
КАК РЕЗУЛЬТАТ СИНТЕЗА КУЛЬТУР
И ДИВИДЕНДОВ «КЯХТИНСКОГО ТОРГА»
THE TEMPLE BAROQUE OF TOTMA AND BAIKAL REGION
AT THE END OF THE 18TH CENTURY AS A RESULT OF
THE SYNTHESIS OF CULTURES AND THE DIVIDENDS OF
“KYAKHTA FAIR”

© 2022 **Марк Васильевич Головизнин**

Кандидат медицинских наук, Московский Государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова, Москва, Россия; mvasilef@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0004-4615

Mark V. Goloviznin

MD–PhD, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. I. Evdokimov, Moscow, Russia
mvasilef@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0004-4615

В работе рассматриваются социокультурные последствия приграничной торговли между Россией и Китаем в Кяхте в XVIII столетии, в частности, становление двух региональных архитектурных школ: храмового барокко Тотьмы и Прибайкалья. Обсуждается развитие русско-китайских конфессиональных и культурных контактов (в том числе, возникновение русско-китайского архитектурного стиля), «культурный диалог» между православием и буддизмом в Прибайкалье и его отражение в архитектуре Сибирского барокко. Обосновывается положение, что расширение «кяхтинского торгового», движение китайских и сибирских товаров, а также эстетических вкусов на запад имело следствием и своеобразный «реэкспорт» архитектурных приемов Сибирского барокко на Русский Север.

Ключевые слова: Тотемское барокко, храмы Прибайкалья, Иркутск, Селенгинск, Великий Устюг, Кяхтинский трактат, православно-буддийский диалог, Сибирское барокко, русская духовная миссия в Китае

Для цитирования: Головизнин М. В. Храмовое барокко Тотмы и Прибайкалья конца XVIII столетия как результат синтеза культур и дивидендов «Кяхтинского торгова». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2022. № 4. С. 68–90. DOI: 10.18254/S268684310023803-1

The paper reviews the socio-cultural consequences of the border trade between Russia and China in Kyakhta in 18th century, the formation of two regional architectural schools: the temple baroque style in Totma and the similar one in Baikal region. The development of Russo-Chinese confessional and cultural contacts including the origin of so called Russo-Chinese architectural style, the “cultural dialogue” between Orthodoxy and Buddhism in the Baikal region and its reflection in the architecture of the Siberian Baroque are also discussed in present work. We try to prove the point of view that the expansion of “Kyakhta fair”, the movement of Chinese and Siberian goods (as well as aesthetic influences) to the West, resulted in “re-export” of the architectural techniques of the Siberian Baroque to the Russian North.

Keywords: Totma baroque, temples of the Baikal region, Irkutsk, Selenginsk, Veliky Ustyug, Kyakhta tractate, Orthodox-Buddhist dialogue, Siberian baroque, Russian Orthodox mission in China

For citation: Goloviznin Mark V. The Temple Baroque of Totma and Baikal Region at the End of the 18th Century as a Result of the Synthesis of Cultures and the Dividends of “Kyakhta Fair”. *Oriental Courier*. 2022. No. 4. Pp. 68–90. DOI: 10.18254/S268684310023803-1

О Кяхтинском трактате 1728 г., установившем государственную границу между Россией и Китаем, известно достаточно широко, в то же время, история и самой Кяхты, и российско-китайской приграничной торговли, продолжавшейся в этом городе более полутора столетий, гораздо менее знакомы широкому кругу читателей¹. Возможно, здесь сыграла роль неоднозначная оценка «китайского торгова» революционером-демократом А. Н. Радищевым или болезненная история советско-китайских отношений, включавшая пограничные споры. Тем интереснее нам было прочесть о Кяхте в современном издании, знаменующем пересмотр исторических стереотипов: «В XVIII–XIX веках Кяхта являлась главными воротами России в Центральную Азию, основным центром русско-китайской

торговли. ... Как в Венецию стремились корабли, так и сюда в Кяхту — верблюды, нагруженные тяжелыми вьюками с китайскими и европейскими товарами. Именно здесь, на востоке России сложился центр притяжения Европы и Азии, кочевых и оседлых народов, православия и буддизма, пересеклись имперский, экономические и религиозные интересы» [Цыденова, 2018, с. 1] (*Илл. 1, Илл. 2*)².

Общенациональное значение кяхтинской торговли для России, обеспечившее ей важное место в международных отношениях, не так эмоционально, но вполне научно отметил еще Карл Маркс. В очерке, опубликованном в разгар «опиумных войн», развязанных Англией в попытке насильственным путем добиться односторонних преференций в торговле с Китаем,

1 В 1947 г. Иркутское книжное издательство выпустило книгу Е. П. Силина «Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли», впоследствии не переиздававшуюся. До настоящего времени эта работа остается одной из наиболее полных монографий, посвященных Кяхте и «Кяхтинскому торгова», будучи основанной на большом количестве оригинальных исторических источников.

2 Здесь и далее все фотографии © автора.

Илл. 1 **Кяхта**. Современный вид российско-монгольского приграничья со стороны Монголии. 2008 г.
Fig. 1. **Kyakhta**. Modern view of the Russian-Mongolian border area from Mongolia. 2008

Маркс приходит к выводу, что Россия, благодаря уникальным условиям сухопутной торговли в Кяхте, уже сто лет имеет ряд геополитических преимуществ в Азии и в Европе, достигнутых без открытых военных столкновений: «... В результате нынешнего конфликта с китайцами Россия, не расходуя ни денег, ни военных сил, может выиграть в итоге больше, чем любая из воюющих стран. У России совершенно особые отношения с Китайской империей... в виде компенсации за то, что они лишены возможности участвовать в морской торговле, русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю, в которой у них, по-видимому, не будет соперников. Эта торговля, регулируемая договором, заключенным в 1768 г., в царствование Екатерины II, имеет своим главным, если, пожалуй, не единственным местом действий Кяхту, расположенную на южной границе Сибири и Китайской Татарии. ... Очевидно, что если бы в результате происходящих теперь военных действий морская торговля с Китаем прекратилась, Европа смогла бы снабжаться чаем только по этому пути» [Маркс, 1967, с. 157–160].

Целью настоящей работы является не геополитика или история торговых войн, а социокультурные следствия международной торгов-

Илл. 2. **Русские торговые фактории XIX в. Алтанбулаг, Монголия**. Современный вид. 2008 г.
Fig. 2. **Russian trading posts of the 19th century. Altanbulag, Mongolia**. Modern view. 2008

ли: межцивилизационные контакты, развитие градостроительства и динамика архитектурных стилей. Мы рассмотрим две региональные школы храмового барокко конца XVIII в., сложившиеся под финансовым и культурным влиянием российско-китайской торговли практически одновременно в Прибайкалье и в Тотмье — маленьком городе на востоке Вологодчины.

Выходцы из Тотмы играли значительную роль в освоении Сибири и во время «Кяхтинского торгова», и задолго до его начала. Еще в 1630 г. царским указом предписывалось «на Тотмье, на Вологде, на Устье Великом и у Соли Вычегодской прибрати из вольных гулящих людей в Сибирь, в Тобольск, 500 человек казаков» [Крючкова, 2013, с. 40–41]. Заметим сразу, роль Вологодчины и Русского Севера в «сибирских делах» со временем менялась. В XVII в., при «движении России встреч солнцу», происходило заселение Сибири северорусским населением и экспорт русской культуры за Уральские горы. В XVIII в., когда россияне на берегах Амура и Тихого океана вошли в контакт со странами и народами этого региона, прежде всего с Китаем, вектор экономических и культурных взаимоотношений Сибири с Русским Севером стала принципиально иным. Это отразилось и в исторических документах, и в «летописи каменной книги» — архитектуре.

БОРЬБА ПАРАДИГМ В ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Хотя камень значительно прочнее бумаги письменных текстов, отсутствие последних часто делает дворцы и храмы, простоявшие века и тысячелетия, лишь немymi свидетелями истории, притом что недостаток документов и фактов восполняется идеологемами. История русской архитектуры не составляет исключения. Так, идеологема «что есть Россия — Восток или Запад», традиционно служила отправной точкой в вопросах изучения русского зодчества. Приведем два противоположных взгляда на архитектуру России Нового времени. Российский историк писал: «К концу XVII века в сознаниях наших зодчих начинают все чаще и чаще встречаться приемы и мотивы, занесенные к нам с Запада. Особенно это сказывается ярко в области декорационного искусства памятников этой эпохи: суровая и величавая простота сменяется игривостью, живостью и необычайной затейливостью в рисунке композиций наружной декорировки храмов. Богатство, разнообразие и причудливая филигранность этих декоративных мотивов ведут нас к формам итальянского барокко, дошедшим до Руси в отзвуках и отражениях» [Дунаев, 1915, с. 2, 5].

Полвека спустя финский исследователь деревянного зодчества Заонежья Ларс Петерссон дал оценку русской архитектуры с иных позиций: «...Пароход остановился у пристани Кижей, и мы впервые осмотрели летнюю и зимнюю церкви этого острова. ...Я почувствовал, что прибыл в мир чужой мне как финну, но очень интересный. Сложные, сужающиеся кверху членения летней церкви напоминали скорее всего восточную пагоду. Она не была похожа на европейский храм» [Петерссон, 2020, с. 225].

В историографии архитектуры России доминировали образцы из Западной Европы, Византии, Украины, но вопрос о ее восточных корнях также неоднократно поднимался. В этой связи стоит упомянуть статью искусствоведа и реставратора С. С. Подъяпольского «К вопросу о восточных элементах в московском зодчестве XV–

XVI веков». Автор анализирует его три аспекта: возникновение кирпичного строительства в Москве в середине XV в., появление самого термина «кирпич», явно тюркского происхождения и происхождение идеи крестово-купольного храма, которая более всего близка к среднеазиатским или североиранским образцам, пришедших в Московскую Русь через золотоордынские города Нижнего Поволжья [Подъяпольский, 2003, с. 9–38].

Богатый материал для дискуссии «Восток-Запад» связан с темой «Сибирского барокко». Этот термин был впервые (как «Тобольское барокко») введен в качестве заголовка книги востоковеда Б. П. Денике, изданной в 1919 г. в Сибири. Другим популяризатором данной темы был художник и исследователь традиционного орнамента Д. А. Болдырев-Казарин. Тема «Сибирского Барокко» и связь его с Востоком была им сформулирована в статье «Народное искусство Сибири», изданной в 1924 г. в Иркутске. В ней автор упоминает «монголизированный» орнамент Крестовоздвиженской (Крестовской) церкви Иркутска, где «даже не “наметанный” глаз сумеет заметить монгольские орнаментальные мотивы в пышном каменном кружеве, украшающем с особым великолепием отверстия окон». «Такого изобилия узорочья не знает даже московское барокко, столь склонное к злоупотреблению каменной резьбой». Болдырев-Казарин анализировал не только декор, но и архитектурные формы храмов. Он был первым, кто говорил, что силуэты иркутских церквей напоминают очертания буддийских ступ [Болдырев-Казарин, 1924, с. 13].

Надо сказать, что 20-е годы были временем «пробуждения Азии» и торжества регионализма, что сопровождалось отходом от имперских взглядов на историю общества и искусства. Ситуация поменялась после 1929 года «великого перелома». Последующие десятилетия привели во многом к возврату имперского мышления и жесткой социальной стратификации, которые нашли отражение в «сталинском псевдоклассицизме». В теории архитектуры в качестве образ-

Илл. 3. Храм Входа Господня в Иерусалим. Город Тотма Вологодской области
Высотность основного объема и картушный декор стен. 2021 г.

Fig. 3. Temple of the Entry of the Lord into Jerusalem. Town of Totma of the Vologda region
The Height of the main volume, and cartouche decoration of the walls. 2021

цов, достойных подражания, признавались лишь «столичные» постройки Москвы и Петербурга, которые, как правило, строились зарубежными архитекторами на основе еще более высоких образцов европейских столиц. Это привело почти к полному игнорированию региональных школ зодчества, которые «под одну гребенку» попали в раздел «архитектура провинции». Медленный отход от данной парадигмы наметился лишь в 1960-е гг., когда были изданы монографии о самобытной архитектуре Ярославля, Смоленска, Великого Устюга и других старинных городов. Вместе с тем вектор заимствования «западных образцов» в столицах, которые в свою очередь (и обязательно «в упрощенном варианте») воспроизводились в провинции, остался в науке парадигмальным вплоть до настоящего времени.

В современных дискуссиях о «Сибирском барокко» продолжается неявное противостояние «западников» и «восточников». Т. С. Проскурякова, соавтор монографии «Архитектура Индокитая» продолжает линию Болдырева-Казарина, и также актуализирует «ступообразность» иркутских храмов. Рассуждая над генезом восточных

влияний, она пишет о крупнейших в Восточной Сибири монастырях, связанных дипломатическими, торговыми и культурными контактами с Китаем, Монголией и Тибетом [Проскурякова, 1979, с. 147–160]. Этой точке зрения противостоит другая концепция, выраженная не менее авторитетными исследователями архитектуры Сибири Л. К. Минерт, С. Н. Баландин и Л. К. Масиель-Санчес. Все три автора ставили под сомнение «Сибирское барокко» как стиль и «восточные» влияния на формы сибирских храмов, в частности. Масиель-Санчес, недоумевая, писал: «Соглашаясь с авторами, что “вздутые” кровли Крестовской церкви напоминают буддийские ступы, нельзя не подчеркнуть, что это не более чем совпадение. Даже если предположить, что заказчики храма, иркутские купцы могли по каким-то необъяснимым причинам выразить желание придать строившимся на их деньги храмам завершение, сходное с буддийскими ступами, то и в этом случае остается не совсем ясным, откуда они смогли бы узнать, как эти ступы выглядят. Торговля с Китаем была меновой и в сам Китай и даже в Монголию (с

ее суббурганам) русские купцы не проникали» [Масиель-Санчес, 2008, с. 132].

Именно три упомянутых исследователя выдвинули концепцию о заимствовании иркутской и прибайкальской архитектурой элементов храмового барокко Тотьмы, то, что тотемский стиль в «деградированной» форме был воспринят сибирскими мастерами [Масиель-Санчес, 2005, с. 190–193]. Действительно в конце XVIII века в Тотьме было возведено более десятка монументальных храмов. Характерными чертами тотемского барокко являются две особенности: чрезвычайная устремленность зданий вверх, а также оригинальный декор стен — ряды межоконных картушей — замкнутых окантовок, скомпонованных из множества керамических элементов [Выголов, 1980, с. 106–107] (*Илл. 3*).

Тотемское барокко не имеет бесспорных аналогов на Русском Севере, его происхождение — вопрос дискуссионный. Межоконный картуш, близкий по очертаниям к тотемскому, действительно встречается только на стенах храмов «Великого байкальского чайного пути», а на иркутской церкви Михаила Архангела (Харалампия) с юго-восточной стороны есть полная «картушная» аналогия с Тотьмой. На наш взгляд концепция тотемских заимствований в Прибайкалье у данных исследователей возникла в контексте вышеупомянутых парадигм как некая аксиома. Вопрос, каким образом маленький город, еще не имевший глубоких традиций каменного строительства, мог повлиять на архитектуру обширного и отдаленного региона, попросту не рассматривался. Гипотеза «тотемского» происхождения прибайкальских храмов имеет немало контраргументов: 1) не существует документальных сведений о том, как тотемские купцы выступали заказчиками, а тотемские мастера — строителями храмов в Иркутске и в Прибайкалье в целом. Сохранившиеся документы говорят, что церкви строились сибирскими мастерами; 2) традиции каменного зодчества и каменного узорочья в Восточной Сибири в целом более древние, чем в Тотьме, где до конца 30-х гг. XVIII в. не было каменного строитель-

ства; 3) установленная датировка постройки тотемских церквей не позволяет утверждать, что они завершены раньше прибайкальских. Скорее всего обе эти школы развивались примерно в одно и то же время; 4) Тотемские купцы — заказчики храмов у себя дома — десятилетиями жили в Иркутске и Кяхте, усваивая местные реалии. В старом административно-территориальном делении Тотемского уезда встречается название «улусец», имеющее явно сибирское происхождение. Наконец, гипотеза тотемского культуртрегерства в Сибири никак не объясняет происхождение самого тотемского стиля, а скорее уводит от этого вопроса.

В ПОИСКАХ ЦАРСТВА ПРЕСВИТЕРА ИОАННА ДИАЛОГ ПРАВОСЛАВИЯ И БУДДИЗМА В ПРИБАЙКАЛЬЕ

Действительно, к моменту выхода русских к Байкалу там не было буддийских храмов, и, следовательно «азиатских примеров» для подражания. Буддизм к Байкалу пришел почти одновременно с православием, а буряты-кочевники перевозили святилища на повозках. Но ситуация представляется еще более интересной. Источники говорят, что первые стационарные дацаны бурят строились русскими строителями и имели вид православных церквей, только без крестов. Таковым был главный храм Агинского дацана, который, как и другие, перестроен в китайско-монгольском стиле лишь в XIX столетии (*Илл. 4*).

Источники также свидетельствуют, что вопреки мнению Масиеля-Санчеса, русские проникали в Монголию с ее суббурганам. Они видели буддийские храмы еще в XVII веке как путешественники в Китай, будучи в составе посольств и торговых караванов, ходивших из Селенгинска в Пекин. Сведения об архитектуре Монголии и Китая зафиксированы в «записках» служилых людей. В «Отписке» томского воеводы на имя царя Василия Шуйского, сделанной не ранее 31 марта 1609 г. говорится: «А живет де китайский государь, и у него де, государь, город каменный. А в городе де стоят храмы у него и звон

Илл. 4. Агинский дацан. Первоначальный вид. Агинский национальный музей им. Г. Цыбикова. Пос. Агинское Забайкальского края. 2019 г.

Fig. 4. Aginsky datsan. Original view Aginsky National Museum named after G. Tsybikov. The Village of Aginskoye, Transbaikal Territory. 2019

де великий у тех храмов, а крестов на храмах нет, тово де не ведают, какая вера, а живут с русского обычья» [Материалы по истории... 1959. с. 31]. В 1619 г. томский казак Иван Петлин, возвратившись из Китая, оставил новые свидетельства: «А дворы в Мугальской земле кирпичны, деланы на 4 углы; ограда кругом двора высоко, а на дворах полаты кирпичные... а украшены полаты различными красками; не хочетца из полаты вон ити. Да в той же мугальской земле стоят 2 храма лобинские кирпичные, ... а на храмах крестов нет, стоят на храмах нивисть какие звири каменные. А во храмах неизреченное диво; как лизешь во храм, противу дверей стоят 3 болвана великие ... вызолочены сусальным золотом з головы и до ног, а сedit высоко в сажень на зверих на каменных, а звири всякими образы выкрашены красками. А в руках держат болваны по горшечку с кашей, а перед ними горят свеча неугасимая с салом говяжьим» [Материалы по истории... 1959, с. 82]. Из этого отрывка следует, что русские, побывавшие в Монголии и Китае, присутствовали на богослужениях, произведших на них сильное впечатление.

Анализ текстов позволяет констатировать, что первые русские путешественники, не владевшие местными языками, не могли понять суть

буддийской веры, поэтому в сообщениях по инерции называли буддистов «мусульманами», а храмы «мечетями». Однако, описывая ламаизм по внешним признакам, они обращали внимание на такие атрибуты, как «неугасимые свечи», монашество, церковную иерархию, одежды священнослужителей, скульптурную и рисованную иконографию, колокольный звон, которые присутствовали в православии, но не имелись в известном русским людям исламе: «А кутуфта у них — то по нашему патриарх, а у них кутуфта; ... А лоба потому что у нас старцы, а у них то лоба; а посригаютца маленьки, лет в 10 ... а клобуки у них желтые» [Материалы по истории... 1959, с. 82].

Примечательно, что по сообщениям Петлина, буддисты говорили русским, будто в далеком прошлом они исповедовали то же вероучение, что и русские. «А говорят так: ваша де вера одна с нашею была, а старцы де ваши черны, а мы де старцы белые; да не ведаем, как наша вера от ваши отскочила» [Материалы по истории... 1959, с. 82]. Более того, ламы, бывавшие на аудиенции у московских царей в качестве послов монгольских ханов, также старались объяснить русским суть буддийского учения, прибегая к понятным аналогиям, таким, как «воскрешение

Илл. 5. Храм Воздвижения Креста Господня. Иркутск. Общий вид. Декор стен. 2008, 2022 гг.
Fig. 5. Church of the Exaltation of the Holy Cross. Irkutsk. General view. Wall decor. 2008, 2022

из мертвых». Это показывает «расспрос» 1620 г.: «Тархан лаба сказал, что послан он к великому государю царю... А по вере своей он, лаба, духовный чин Мугальские земли, по-здешнему как митрополит. А владетель де мугальскими монастырями — кутухта... И веруют де они в вышнего бога, которой сотворил небо и землю, да в кутухту, а кутухта де сотворен толды ж, как бог сотворил небо и землю и николи де кутухта не умирает. Коли де лучится ему с богом беседовать, и он духом восходит к богу на небо. А тело остаетца на земли, и ево тело люди сожигают огнем. И после де тово вскоре бог опять ево воскрешает и живет по-прежнему. А как де бог ево воскресит, и он с собою с небеси приносит образ божий» [Материалы по истории... 1959, с. 91]. Учитывая это, а также тот факт, что разъяснявшие православным суть буддийского вероучения книги появились в Сибири не ранее середины XIX в., можно предположить, что в процессе первых контактов между православными и буддистами в Прибайкалье у русских сложилось впечатление о буддизме как об экзотическом, но близком к православию учении (тем

более буддисты, как мы показали, поддерживали такую точку зрения, а в русское христианство давно проникли апокрифы про «восточное Царство пресвитера Иоанна»).

Последним можно объяснить и появление экзотического «мандалоподобного» орнамента на стенах православных храмов Иркутска (Илл. 5) и «ступообразность» храмов, и тот факт, что русские, обладавшие навыками строительства, на первых порах помогали бурятам возводить каменные дацаны. Однако и в странах Востока не сразу было осознано, что православие — «европейская» религия. В японском сочинении «Канкай ибун», составленном по результатам допросов вернувшихся в 1805 г. из России японских моряков, живших в Иркутске, сказано, что японцы воспринимали религию русских как разновидность буддизма. В частности, при описании Иркутска авторы замечали: «в целом храмы стоят на улицах там и сям. Главная святыня — золотой Будда; кроме того, есть и деревянные Будды, покрытые позолотой... перед Буддами выстраиваются в ряд подсвечники»³ [Оцука, 2009, с. 135].

3 Как отмечает в предисловии переводчик и составитель русского текста данного трактата В. Н. Горегляд, «ни одним словом в *Канкай ибун* авторы не уточняют, что Россия — страна христианская, хотя они включили в сочинение специальный раздел “Религия”. Всюду вероучение россиян представлено здесь как разновидность буддиз-

ПЕРВАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ КИТАЙСКИЕ ИКОНОПИСЦЫ И РУССКИЕ ЗНАТОКИ ФАРФОРНОГО ДЕЛА

В 1689 г. между Россией и Китаем произошел пограничный конфликт, связанный с осадой и взятием китайцами русской крепости Албазин на Амуре. После этого часть албазинцев, среди которых были как русские, так и дальневосточные аборигены, ушли в Пекин. В их числе был священник Максим Леонтьев. Ему было разрешено взять с собой иконы, кресты, книги и даже колокол. Пленников поселили в особой слободе под название «Русская сотня» и разрешили открыть там церковь [Крючкова, 2009, с. 43–45]. Документы свидетельствуют, что «церковный вопрос», связанный с нуждами православных мирян и священнослужителей, оказавшихся в Китае, был одним из существенных стимулов развития русско-китайских отношений. Православный храм в Пекине, построенный в конце XVII в., был, вероятно первой русской церковью на Дальнем Востоке. В 1713 г. была учреждена русская духовная миссия в Пекине, которая до второй половины XIX столетия была неофициальным посольством России в Китае. Это позволило Карлу Марксу написать: «Русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине. Правда, говорят, что это преимущество куплено Россией ценой примирения с тем обстоятельством, что ей дозволяется быть при дворе Небесной империи лишь на положении одной из зависимых стран, уплачивающих дань. Тем не менее это дает возможность русской дипломатии установить в Китае такое же влияние, как и в Европе — влияние, которое отнюдь не ограничивается только ди-

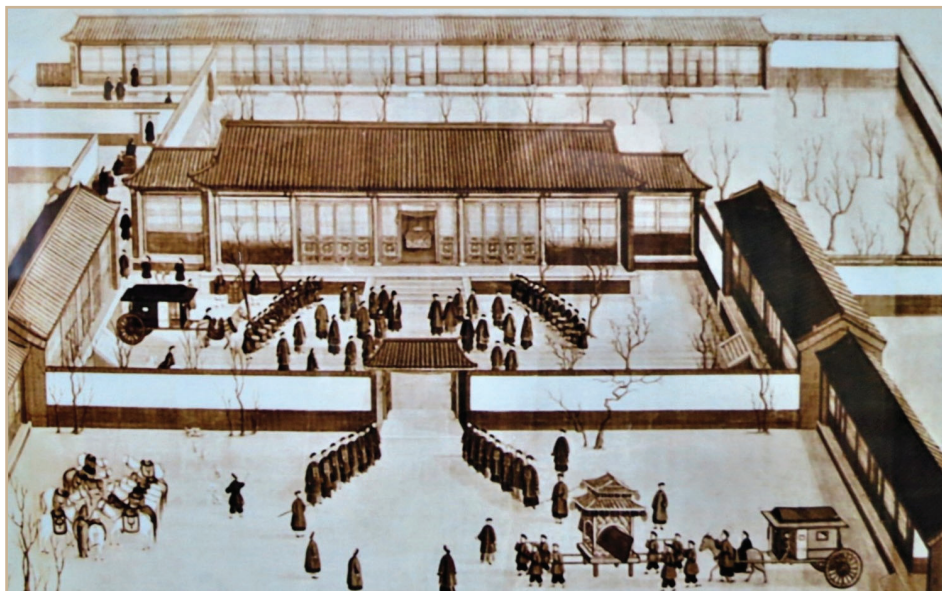
пломатическими действиями» [Маркс, 1967, с. 157–160].

В статье 5 Кяхтинского трактата было указано, что при православной церкви в Пекине «могли жить три русских священника, содержание которых китайское правительство брало на свой счет» [Силин, 1947, с. 36–37]. Русское правительство стремилось укрепить духовную миссию в Пекине и расширить штат священнослужителей, повысив их статус. В этом отношении интересен инцидент, возникший в процессе подготовки Кяхтинского трактата. В 1726 г. китайские чиновники не пропустили в Пекин рукоположенного по рекомендации Петра I епископа Игнатия (Кульчинского) на том основании, что в ранее посланной грамоте на имя китайского императора епископ был назван «великой духовной особой, а они знают только одну такую особу — Кутухту или Великого Ламу и других подобных особ знать не хотят»⁴ [Силин, 1947, с. 27]. Вне зависимости от явных и тайных причин этого инцидента, духовная миссия в Китае была причиной учреждения сперва викариатства, а потом и отдельной епархии в Иркутске [Чернышова, 2009, с. 400].

Не доехавший до Пекина епископ Игнатий рукополагал священников, посылаемых в Китай, находясь в Иркутске. Среди рукоположенных были и представители местных народностей. Еще в 1708 г. в Пекине была открыта первая школа русского языка, где преподавали и священники, и присланные из России для обучения восточным языкам студенты. Первоначально школа располагалась в буддийском храме [Березницкий, 2017, с. 151]. В 1716 г. в Пекине открылось училище русского языка при императорской канцелярии, где миссионеры преподавали русский язык китайским чиновни-

ма» [Оцука, 2009, с. 17–18]. Интересно, что авторы «Канкай ибу», безусловно знакомые с христианством ученые «рангакуся» (голландоведы), в ведении которых находились все европейские дела, приняли это мнение японских моряков на веру.

4 Разные тексты жизнеописания епископа Игнатия называют и другие причины отказа китайского правительства: отсутствие у епископа верительных документов, интриги иезуитов и предвзятое отношение русского посла в Пекине С. Л. Владиславовича-Рагузинского, намечавшего в качестве руководителя пекинской духовной миссии другого кандидата [Чернышова, 2009, с. 409–411].

Илл. 6. Вид Пекинского православного мужского монастыря. Рис. Н. Я. Бичурина
 Чувашский национальный музей, г. Чебоксары. 2020 г.
 Fig. 6. View of the Beijing Orthodox Monastery. Sketch by Nikolai Bichurin
 Chuvash National Museum, Cheboksary. 2020

кам. Одновременно с этим русские переводчики перевели с китайского и маньчжурского языка множество философских, исторических трактатов и доставили в России немало китайских книг и артефактов, из которых сложилась китайская коллекция Кунсткамеры [Березницкий, 2017, с. 142–143, 159].

В 1730 г. в Пекине стали возводить новую церковь. «Ее иконостас был сделан в старинном стиле. Иконы местные, из Тобольска привезенные, а писаны в Киеве; прочие же китайские живописцы писали» [Крючкова, 2009, с. 43–45]. Рисунок русского православного монастыря, сделанный монахом-миссионером и китаеведом Н. Я. Бичуриным (о. Иакинфом), на котором виден китайский стиль постройки и китайские одежды находящихся в нем людей, выставлен в экспозиции Чувашского Национального музея (г. Чебоксары) (Илл. 6). Картина неизвестного китайского художника показывает, что само русское подворье и храм на его территории были выстроены в «русско-китайском» стиле (Илл. 11).

Помимо иконописцев (русских и китайских) в устройство Пекинского подворья были вовлечены и другие мастера — выходцы с Русского Севера. Один из них ездил в Китай для обучения искусству финифти, а другие обучались в Китае производству фарфора, после чего пытались наладить его на территории России [Крючкова, 2013, с. 81]. В Забайкалье «тщаниями епископа Игнатия» проводниками русско-китайского диалога были монастыри — Посольский и Троице-Селенгинский. Через них проходили все посольства и караваны, в составе которых шли послушники, ученики и мастера. В 1721 г. из Китая на русскую территорию перебежал человек, способный писать по-китайски и по-маньчжурски, оставшийся в Троице-Селенгинском монастыре и принявший крещение [Силин, 1947, с. 116].

В середине XIX в. настоятелем монастыря был один из первых русских китаеведов Даниил Сивиллов. В 1785 г. там был сооружен каменный Троицкий храм, украшенный межконными картушами, окрашенными в синий цвет, что

Илл. 7. Церковь Спаса Нерукотворного образа. С. Урик Иркутской обл. Картушный декор стен. 2022 г.
Fig. 7. Church of the Savior of the Holy Image. The village of Urik, Irkutsk region Cartouche wall decor. 2022

Илл. 8. Собор Спаса Нерукотворного Образа Старый Селенгинск. Республика Бурятия. 2022 г.
Fig. 8. Cathedral of the Savior Miraculous Old Selenginsk. The Republic of Buryatia. 2022

опять-таки вызывает ассоциации с культурой Дальнего Востока⁵. Голубая окраска картушей, по-видимому, была и на Спасской церкви с. Урик (Илл. 7), находящейся в 20 км от Иркутска. Следы окраски видны и сейчас на картушах Спасского собора в старом Селенгинске — покинутом ныне городе, игравшем некогда роль административного центра Забайкалья (Илл. 8).

Возвращаясь к борьбе научных парадигм в истории архитектуры, скажем, что при всех внешних сходствах, не только функции, но и технологии создания тотемского и прибайкальского картуша весьма непохожи друг на друга, чтобы считать один упрощенной копией другого. Если тотемский картуш есть узорочье, набранное как пазл из элементов фигурного кирпича, то прибайкальский картуш является щитовидным монолитом, выступающим над

поверхностью стены. Его верх и низ дополняют фигурные наличники — «очелья», которые отсутствуют на храмах Тотьмы. Очелья-наличники, даже не дополненные картушами, характерны в целом для Байкальского региона. Их можно увидеть в декоре окон деревянной архитектуры и на стенах бурятских монастырей, например, в Агинском дацане. Очелья присутствовали на выстроенных русскими строителями зданиях этого дацана. Они остались и после его перестройки в китайско-монгольском стиле (Илл. 9). Как видно из рисунка, очелья местами напоминающие контуры субурганов, входят в композиции буддийской иконографии на стенах храма. Помимо сакрального смысла очелья и картуши-контрналичники несут функционально-эстетическую нагрузку. Тень, отбрасываемая выступающими деталями объемного орнамента, в зависимости

5 Д. Майдар и Д. Б. Пюрбеев объяснили смысл цветовых гамм подобного орнамента спецификой монгольской архитектуры и эстетики. Благодаря сочетанию тонов и постепенному переходу от светлого фона к более темному рисунку монгольский орнамент производил впечатление объемного и просматривался издали. Эта объемность сочеталась со скульптурными композициями буддийских храмов [Майдар, Пюрбеев, 1980, с. 50].

Илл. 9. Агинский дацан, пос. Агинское, Забайкальский край
Современный вид. Наличники-очелья и буддийская иконография. 2019 г.
Fig. 9. Aginsky datsan, the village of Aginskoe, Trans-Baikal Region
Modern view. Architraves-ochelya, and Buddhist iconography. 2019

Илл. 10. Коллаж. Село Кондуй, Борзинского района Забайкальского края. Церковь Рождества Христова
Общий вид и вмонтированные детали украшений из Кондуйского дворца. Внизу: каменные головы драконов
из Кондуйского дворца. Краеведческий музей г. Борзя, Забайкальский край. 2022 г.

Fig. 10. Collage. The village of Kondui, Borzinsky district of the Trans-Baikal Territory. Church of the Nativity
General view and mounted details of decorations from the Kondui Palace. Bottom: Stone dragon heads from the
Kondui Palace. Museum of local lore in the town of Borzya, Trans-Baikal Region. 2022

от угла падения лучей солнца, создает иллюзию изменения объема здания, что было усвоено региональной школой барокко. Этот же феномен способствует улучшению видимости постройки с дальнего расстояния.

В православной архитектуре Байкальского региона существовали не только «идейные» влияния Востока, но и вполне «материальные» заимствования. В старинном селе Кондуй ныне Борзинского района Забайкальского края стоит Рождественская церковь 1806 года постройки, в стену которой строители вмонтировали скульптурные изображения голов драконов, найденных на развалинах средневекового Кондуйского дворца, относящегося ко времени Монгольской империи. При этом средневековые элементы расположены не в хаотичном, а в определенном порядке, что позволяет трактовать их как орнамент. Каменные головы драконов (общим числом 64) вмонтированы в стены храма вертикально, в два ряда тыльной стороной к зрителю, вызывая ассоциации с ангельскими фигурами в длинных одеждах (*Илл. 10*). Автору этих строк в июле 2022 года удалось посетить с. Кондуй и осмотреть Рождественский храм. Как нам представляется, скульптуры, «позаимствованные» из разрушенного дворца монгольских вельмож подобно описанным выше картушам также создают игру теней на стенах в разные часы дня. Такую же декоративную роль играют и вмонтированные в несущие конструкции храма круглые основания колонн из Кондуйского дворца. Их вертикальное, а не горизонтальное «друг на друга» расположение (что было бы логичнее с чисто технической точки зрения) обогащает декор и усиливает эффект дробления пространства стены. Головы драконов в скульптурном виде, найденные при раскопках Кондуйского дворца, можно детально рассмотреть в краеведческом музее г. Борзи.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ ИРКУТСКА И «КИТАЙСКИЙ ВЕКТОР» СИБИРСКОЙ ТОРГОВЛИ

Переломным моментом в истории Кяхты, а также связанных с ней Иркутска, Тотьмы,

Великого Устюга стал 1762 год, когда Екатерина II отменила государственную монополию и запрет частной торговли пушниной. Реально этот указ начал действовать с 1769 года. Вместо государственных караванов, направлявшихся из Селенгинска в Пекин, на русско-китайскую границу в Кяхту официально пришли частные торговцы, вступавшие в непосредственный контакт с китайскими негодантами. Слово «официально» означает, что ранее частная торговля шла неофициально как контрабанда пушниной. Контрабанда в итоге подорвала госмонополию.

Документы свидетельствуют, что в 1748 г. в Кяхте был пойман с пушным товаром посадский Иркутска Николай Бречалов. На следствии выяснилось, что он однажды уже променял китайцам камчатскую пушнину, купленную им в Иркутске у тотемского купца Холодилова. За нее Бречалов получил от китайских купцов разные ткани, стоившие по таможенным расценкам 6088 рублей [Силин, 1947, с. 49–50]. После легализации частной торговли прибыли купцов в Кяхте начали исчисляться миллионами. В 1775 г. компания купца Трапезникова вывезла с Камчатки и островов Тихого океана пушнины на сумму свыше 3 млн рублей. По Кяхтинским ценам она стоила вдвое больше [Силин, 1947, с. 85–86]. «Пушная лихорадка» привела к социальным трансформациям Сибири. Если в конце XVII в. [Силин, 1947, с. 154–155] сибирское купечество в глазах русского правительства не пользовалось авторитетом (в указе от 27 октября 1699 г. сибирские купцы назывались «людьми скудными»), то уже во второй половине XVIII в. многие из этих «скудных людей» по мнению Силина настолько обогатились, что стали «именитыми гражданами».

Торговые и промышленные выгоды Сибири постоянно привлекали из России в сибирские города новых людей. В Иркутск в течение XVIII столетия переселились купцы из поморских городов: Устюга, Тотьмы, Каргополя, Вологды и других, они основывали там богатые купеческие дома. Как видно из иркутских сведений, «Иркутску... между всеми сибирскими городами можно отдать первенство. Ибо оной не столь

велик как Тобольск, однакож пожиточных мещан и купцов в нем более, что особливо от учрежденного с китайцами прибыточного торгу происходит, которым купцы в короткое время богатятся» [Силин, 1947, с. 161].

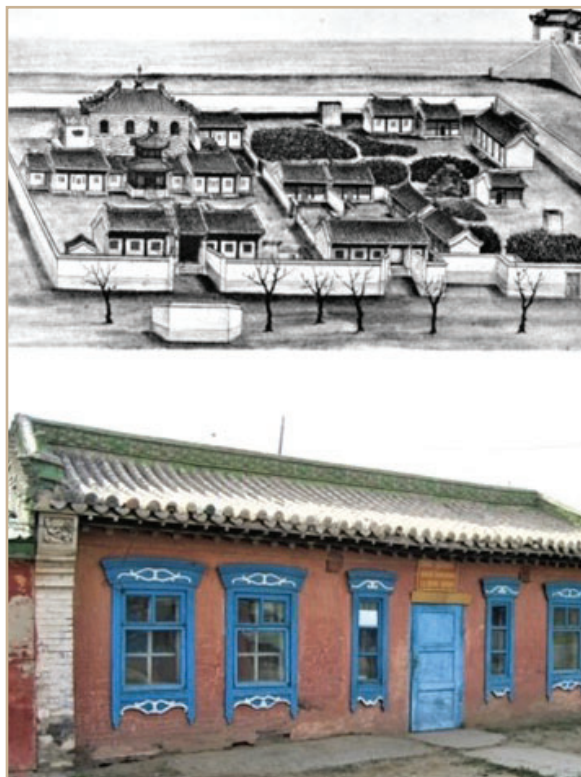
При всех выгодах кяхтинского торгового русские купцы нередко оставались в ценовом проигрыше. Если у китайцев, имевших высокий уровень торговой культуры и прочные традиции коллективизма, ценовая политика проходила строгое согласование, то их российские коллеги действовали в Кяхте «каждый за себя», не доверяя и часто мешая друг другу. Тем не менее неформальные связи русских купцов в Прибайкалье существовали, и, по-видимому, строились на основе землячества, история которых могла уходить корнями в эпоху контрабандной торговли. О неформальных землячествах Иркутска можно судить по материалам, посвященным описанию иркутских икон.

В иркутских храмах имелось значительное количество икон Иоанна и Прокопия Устюжских Чудотворцев, Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, а также Феодосия Тотемского [Крючкова, 2013, с. 74–76]. Пальма первенства в этом отношении принадлежит великоустюжским святым, что не вызывает удивления: Великий Устюг с начала XVII столетия доминировал в освоении Сибири, и храмы в честь святых Великого Устюга есть во многих сибирских городах. Через Устюг шли торговые пути как из Сибири на Запад, так и с Запада в Сибирь. Среди иркутских купцов – выходцев с Русского севера устюжане, по-видимому, преобладали. Они жертвовали немалые суммы на храмы и монастыри у себя на родине и в Иркутске. Интересно, что в тех же самых иркутских храмах имеются изображения и тотемских святых. Таким образом, уроженцы Устюга и Тотьмы в XVIII в., видимо посещали в Иркутске одни и те же церкви. Архитектор В. П. Выголов, опубликовавший практически единственное профессиональное исследование храмов Тотьмы, считал, что первые каменные церкви в этом городе строились в 1740-х гг. великоустюжскими мастерами в великоустюжском стиле [Выголов, 1980, с. 124].

Тотьма, расположенная, как и Великий Устюг, на реке Сухона, в XVI в. славилась соляным промыслом, примыкая к уральской «империи» Строгановых. До сих пор в бывших строгановских вотчинах Урала — Соликамске, Березниках и Кудымкаре распространена фамилия «Тотьмянин». Позже, в связи с падением цен на соль, связанную с освоением казахстанских соляных озер, устюжские и тотемские предприниматели устремились далее в Сибирь, достигнув Иркутска.

В то же время нестабильность экономической конъюнктуры на Кяхтинской таможне в период госмонополии на торговлю пушниной вела к долгим перерывам в строительстве храмов Тотьмы. Их достраивание поразительно совпало с царским указом о разрешении частной торговли в Кяхте. Начало 1770-х гг. по той же причине явилось и временем расцвета Прибайкальского храмового барокко. В музейных экспозициях Тотьмы есть немало китайских артефактов — изделия из фарфора, китайские монеты, принадлежавшие купцам – местным уроженцам, которые вели дела в Кяхте и Иркутске. В 1770-е гг. в Иркутске можно было найти множество китайских товаров: дабы, бархат, шелк-сырец, чай байховый и кирпичный, бадьян, румяна, белила, фарфоровую и глиняную посуду, сахар-леденец, орехи, конфеты, табак, тушь и многое другое [Силин, 1947, с. 160].

В самом Иркутске «семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы и дабы». У многих купцов мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими. Путешественник по Сибири в 70-х гг. XVIII в. академик Георги рассказывает, что ему приходилось наблюдать в отдельных купеческих семьях Иркутска, Енисейска и даже Тобольска элементы застольного этикета, перенятые у китайцев, когда не только пили чай, но и подавали десерт из китайских фруктов и конфет на множестве китайских тарелок. Во внутренней обстановке жилищ богатых иркутян чувствовался «китайский вкус», выражавшийся в изобилии китайских украшений, картин, ваз, статуэток. Георги рассказывает, что в Иркутске почти у каждого дома был огород, в котором

Илл. 11. Русско-китайский архитектурный стиль

Вверху: Северное подворье Русской духовной миссии в Пекине. Рисунок неизвестного китайского художника. Сер. XIX в. По: [Смирнов А. А., Козырь И. В. Забытые священники-мореходы. Морское наследие URL: <https://www.heritage-navalis.ru/news.php?id=25> (accessed 01.10.2022)]

Внизу: Монастырь Гандантэгченлин. Общеобразовательная школа с религиозным уклоном Улан-Батор, Монголия. 2008 г.

Fig. 11. Russo-Chinese architectural style

Above: Northern Compound of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing Drawing by an unknown Chinese artist. Mid. 19th century Source: [Smirnov A. A., Kozyr I. V. Forgotten Priests-Navigators. Maritime Heritage. URL: <https://www.heritage-navalis.ru/news.php?id=25> (accessed 01.10.2022)]. Bottom: Gandantegchenlin Monastery. Comprehensive school with a religious bias Ulaanbaatar, Mongolia. 2008

обычно сеялись китайские цветы. До 1777 г. иркутяне не употребляли чернила, а писали тушью, привозимой из Китая [Силин, 1947, с. 160].

В Маймайчэне — китайском «городе-спутнике» Кяхты здания были построены в китайском стиле, но их интерьер нередко представлял собой смешивание китайских и русских деталей, так, русские печи там соседствовали с традиционными *канами*. Русские и китайские купцы разговаривали между собой на особом русско-

китайском пиджине. Мы уже упоминали, что русское подворье в Пекине было выстроено в «русско-китайском» стиле. Оказалось, что этот стиль был распространен гораздо шире. Автору доводилось видеть здания в русско-китайском стиле на территории монастыря Гандантэгченлин в Улан-Баторе (Илл. 11). Там в 2008 г. находилась общеобразовательная школа с религиозным уклоном». Естественно, китайские ткани, фарфор и мануфактура доходили и до

Русского Севера. Недалеко от Великого Устюга в старинном городке Лальске был выстроен «китайский домик» — небольшое одноэтажное здание в русско-китайском стиле, дошедшее до наших дней.

АМЕРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «КЯХТИНСКОГО ТОРГА» ЧЕРНОБУРЫЕ ЛИСЫ НА ГЕРБЕ ТОТЬМЫ И ОСТРОВОВ ПРИНЦА ЭДУАРДА

Согласно Е. П. Силину, [Силин, 1947, с. 159] в XVIII в. в торговом движении Иркутска существовали три направления: 1) из Европейской России шли преимущественно русские и иностранные промышленные товары, в которых нуждался не только Иркутск, а вообще вся Сибирь; 2) «на Русь» вывозились китайские товары; 3) иркутский рынок на протяжении всего XVIII века имел достаточное количество ценных видов пушнины, доставляемых туда главным образом из Туруханска и Якутска. Одна часть пушнины посылалась «на Русь», другая в Китай. Северные районы за свои меха получали от Иркутска хлеб, продукты обрабатывающей промышленности и китайские товары. Торговля с Китаем способствовала развитию торговли России с государствами Западной Европы, Средней Азии и Северной Америки. Тысячи морских бобров и выдр доставлялись в Россию из США и Канады. Шкуры этих зверей совершали чуть ли не кругосветное путешествие, направляемые с мест добычи сначала в Англию, затем в Петербург, а оттуда, наконец, в Кяхту [Силин, 1947, с. 186].

Международная приграничная торговля с Китаем не должна была иметь перебоев, связанных с трудностями организации тихоокеанских экспедиций. Если в Кяхту не доставлялись камчатские бобры, то доставлялись американские. Американских и канадских бобров променивалось китайцам в период с 1768 по 1785 от 30 до 50 тысяч шкур, а в 1782 г. их было променяно 64 тысячи [Силин, 1947, с. 128]. Иностранной лисицы чернобурой, сивобурой и бурой променивалось

от 120 до 400, сиводушек — от 200 до 800 и белодушек от 800 до 1400 штук ежегодно. Товары, отправляемые в Кяхту, шли из Петербурга и центральной России сначала до Соликамска, а оттуда в Верхотурье, где с них взималась пошлина. После выпуска из таможни товары провозились в Туринск, Тюмень и Тобольск водою. От Тобольска их везли обычно летом по Иртышу, Оби, Кети, потом 8 верст сухим путем по Маковскому волоку до Енисейска, оттуда опять водою до Илимска, далее по Ангаре через Байкал на Селенгинск до самой Кяхты [Силин, 1947, с. 173].

Примерно таким же путем, но в обратном направлении, в Россию шли закупленные в Кяхте китайские товары. Американский вектор кяхтинского торгового пути показывает, что из всех северных городов больше предпочтений доставалось Тотьме и Великому Устюгу. Из Санкт-Петербургского порта товары через Ладожское, Онежское, Белое и Кубенское озера шли на восток по Сухоне. В этом отношении Тотьма была крайне важным перевалочным пунктом, стоявшим непосредственно на торговом пути. На этом же пути стоял и Великий Устюг, но он был дальше на двести верст на восток. При этом жители Тотьмы славились еще тем, что умели производить надежные суда-дощаники. Пользуясь географическим преимуществом, тотемские купцы могли раньше и в большем количестве перекупить американские меха, которые на дощаниках тотемского производства шли на Вятку, Каму, Чусовую, по сибирским рекам и волокам в Кяхту. Если раньше, когда торговля с Европой велась через Архангельский порт, Тотьма находилась «в тени» Великого Устюга, то после открытия Балтики Тотьма стала претендовать на роль равного партнера. С развитием «западного вектора кяхтинского торгового пути» другие северные города — Сольвычегодск, Каргополь и даже Вологда, оставаясь в стороне от Сухоны, существенно проигрывали в конкуренции. В 1780 г. Тотьма получила герб, на котором изображена «американская» чернобурая лисица. Этот интересный факт породил множество вопросов, т. к. данный зверь на Русском Севере не водился, а добытые

на Камчатке его шкуры поступали в Кяхту явно минуя Тотьму. Как следует из вышесказанного, шкуры высокоценной американской лисицы попадали в Тотьму (и далее — указанным путем на китайскую границу) из Америки и Канады через Петербург. Интересно, что канадская провинция Острова Принца Эдуарда, славившаяся пушным промыслом, также имеет на гербе изображения двух чернубурых лисиц.

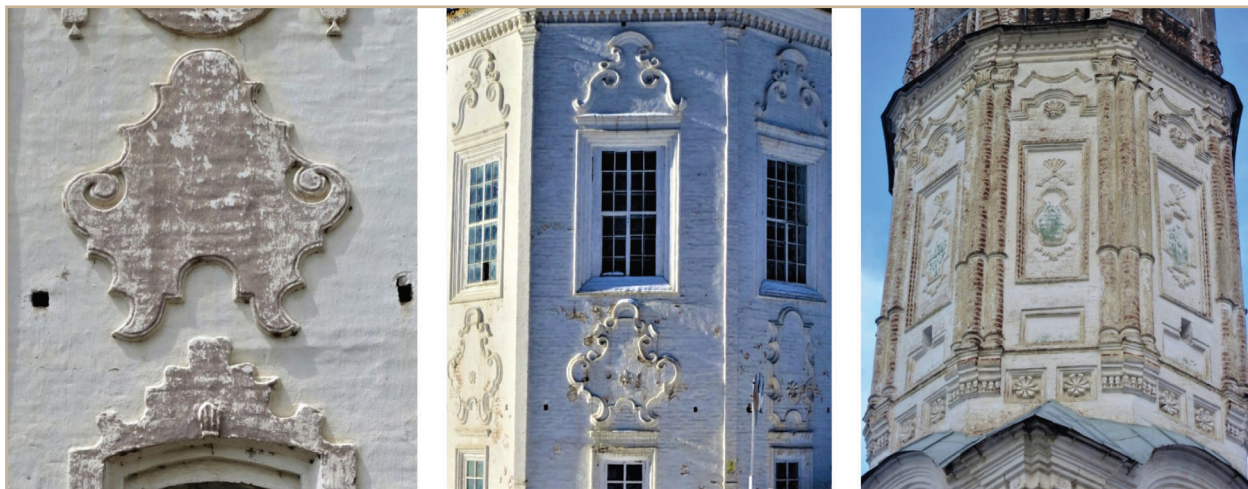
Торгово-экономические реалии нашли отражение и в храмовой архитектуре. Благодаря богатству уральских солепромышленников и сибирских торговцев пушниной, на Русском Севере и в Вятском крае получил развитие великоустюгский архитектурный стиль, называемый иногда **великоустюгским барокко**. Представляется, что возросшая посредническая роль Тотьмы и ее конкуренция с великоустюгскими купцами породила и конкуренцию стилей зодчества, тем более, монументальные храмы в тот период, по примеру Санкт-Петербурга, определяли престиж торгового города. Тотемское храмовое барокко, возникшее на великоустюгской почве, далее пошло своим путем на базе эстетических представлений и капиталов тотемского купечества⁶, сложившихся в соликамских промыслах, а позже — в Кяхте. Определенную роль в «отрыве» тотемского барокко от великоустюгского сыграли храмы уральских строгановских усоллий, с их подчеркнутым стремлением вверх, но главная роль принадлежала сибирским щитовидным картушам.

Жившие много лет в Прибайкалье тотьмичи видели замысловатые формы картушного декора и, вероятно, знали о монгольских субурганах. Вернувшись на родину, они воплотили идею на родной почве с помощью технологий настенного узорочья. Хотя, вполне вероятно, что внедрение в Прибайкалье производства фарфора создавало условия для производства фигурного

кирпича и в непосредственной близости от Кяхты. Кардинальный нюанс тотемского барокко заключался в следующем: в отличие от храмов Прибайкалья, имеющих арочные окна, куда криволинейные картуши вписываются, формируя контрналичники, в зодчестве Тотьме традиционно сохранялись окна прямоугольной формы, трудно сочетавшиеся с барочным узорочьем. Но, именно это эклектичное соединение архаики с пришлыми инновациями придало тотемскому архитектурному стилю неповторимость. Для размещения вычурных элементов фигурного декора между этажами из прямоугольных окон необходима гораздо большая ширина межэтажного пространства, чем в случае арочных окон, где картуш-контрналичник «обтекал» бы дугообразный верх окна, а увеличение ширины междуэтажных промежутков увеличивало и общую высоту здания. Так тотемское «высокое барокко» на базе уральской высотности и прибайкальского декора превзошло и сибирские храмы и великоустюгские церкви-башни, где отсутствовала «тотемская дисгармония».

В Великоустюгско-Вятском стиле прямоугольные окна церковью обрамлялись таким же прямоугольным орнаментом, что экономило пространство, не позволяя достичь барочной устремленности ввысь (*Илл. 12, Илл. 13*). Вероятно, между прибайкальской и тотемской школами существовало взаимодействие. Если сравнить церковь Входа Господня в Иерусалим в Тотьме и храм Харалампия в Иркутске, то можно увидеть закономерности (*Илл. 14*). Нижний ярус картушей юго-восточной стороны Харалампиевского храма представлен чисто тотемскими картушами, аналогичными таковым на юго-восточной стороне Входаиерусалимской церкви в Тотьме. Нижний же ярус обоих храмов на северо-западной стороне также представлен однотипными картушами, но сибирскими щитовидными (на

6 В архивах сохранился контракт, заключенный между тотемским купцом Черепановым и сольвычегодским зодчим Федором Титовым на возведение Троицкой церкви в Тотьме. В контракте есть упоминание картушей — обязательство мастера «а между верхними и нижними окнами клейма сделать как наилучче возможно». Из этого обязательства строителя следует, что «клейма»-картуши как декор стен определялись именно заказчиком храма [Кузнецов, Новоселов, 2016, с. 15].

Илл. 12. Соотношение картушей и оконных проемов в храмовом барокко различных школ
Слева Прибайкальский картушный декор (Спасский собор, Старый Селенгинск). В середине картуши
Тотьмы. Справа картуши Вятско-Великоустюгского стиля. 2008–2022 гг.

Fig. 12. The ratio of cartouches and window openings in the temple baroque of various schools

Left: the Baikal cartouche decoration (Cathedral of the Savior, Old Selenginsk).

Middle: cartouche decoration in Totma. Right: Vyatka-Veliky Ustyug's cartouches. 2008–2022

тотемском храме они находятся в перевернутом положении). Оба храма имеют одинаковую ориентацию по сторонам света с северо-востока на юго-запад. Декоративная картушная асимметрия может быть объяснена тем, что более парадные картуши находились на внешних сторонах церквей, выходивших на улицу или площадь, тогда как «скромные» щитовидные были обращены во внутренний двор. Важно, что Входаиерусалимская церковь в Тотьме была сооружена купцами Пановыми, промышленными морского зверя на Алеутских островах. Харалампиевский храм Иркутска также называли морским, поскольку в нем благословляли моряков, уходящих в морские экспедиции на Камчатку, Алеутские и Курильские острова. В Харалампиевской церкви находились иконы как великоустюгских, так и тотемских святых. На него жертвовали деньги купцы из династий Трапезниковых, Сибириковых — выходцев с Русского Севера. Прихожанином Харалампиевской церкви был мореплаватель Григорий Шелихов. Вполне вероятно, что заказчики обоих храмов контактировали между собой. Добавим, что этот случай « картушной асим-

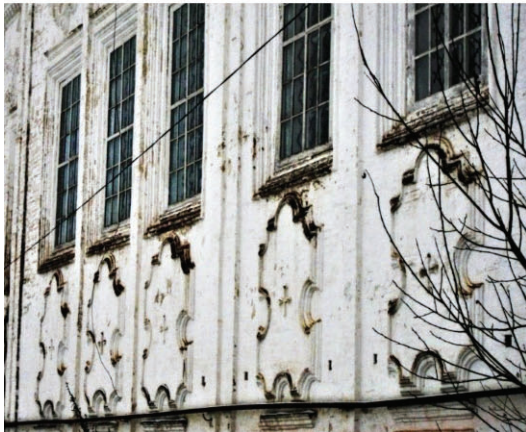
метрии» — единственный как в прибайкальском, так и тотемском барокко.

XVIII век упрочил межцивилизационные контакты, возникшие в Азии и Сибири в эпоху Великих географических открытий. Спецификой Нового времени стал межконфессиональный диалог между буддизмом и православием (Илл. 15), и «обратная волна» культурных влияний, шедшая из Восточной Сибири на Русский Север вместе с китайскими товарами. Однако дальнейшая динамика торгово-промышленной конъюнктуры оказалась для Русского Севера негативной. Развитие черноморских портов и волжской ярмарочной торговли сместило торговые пути на юг, что привело к упадку северных городов. Одновременно с этим произошел упадок как тотемского, так и великоустюгского барокко, на смену которым приходит скромный провинциальный классицизм.

Динамичность экономической конъюнктуры породила динамичность эстетики. Если в Средневековой Руси архитектурные школы существо-

Илл. 13. **Тотьма Вологодской области. Храм Рождества Христова**
Высотность храмов тотемского барокко. 2022 г.
Fig. 13. **Totma, Vologda region. Church of the Nativity**
Altitude of the temples of the Totma baroque. 2022

Илл. 14. «Диалог» тотемской и прибайкальской архитектурных школ (коллаж)

Слева: Входиерусалимская церковь в Тотме и ее картуши нижнего яруса. Справа: Церковь Михаила-Архангела (Св. Харалампия) в Иркутске и ее картуши нижнего яруса. 2012–2021 гг.

Fig. 14. "Dialogue" of the Totma and Baikal architectural schools (collage)

Left: The Church of the Entrance to Jerusalem in Totma and its cartouches of the lower tier. Right: Church of Michael the Archangel (St Charalambius) in Irkutsk and its cartouches of the lower tier. 2012–2021

Илл. 15. Икона Трехликий Христос (Троица). Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. 2022 г.

Fig. 15. Icon of the Three-faced Christ (Trinity). Museum of the History of Buryatia named after M. N. Khangalov. 2022

вали сотню-другую лет, а мастера, по примеру европейских «вольных каменщиков», являлись хранителями тайн искусства и диктовали вкусы не очень образованным купцам и правителям, то в XVIII веке носителями эстетики могли быть не только строители, но и купцы-заказчики, которые (сами или их предки) начинали сибирскую карьеру как иконописцы или мастера по металлу, обладая образованием и эстетическим вкусом. В Сибири барокко держалось значительно дольше, чем на Русском Севере, порождая новые образцы вплоть до середины XIX столетия. Во многих изданиях по истории архитектуры нам встречались сентенции, что такое «запаздывание» Сибири по сравнению со столицами, давно находящимися во власти классицизма, есть признак «консервативного мышления сибирского мужика». Однако, наш риторический вопрос, почему воплощенная в камне парадоксальная «барочная» фантазия «сибирского мужика» является признаком консерватизма мышления, а столичное следование образцам греко-римской «классической» культуры 2000-летней давности, таковым не является, увы, повисал в воздухе, оставаясь без ответа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Березницкий С. В. *Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века*. СПб.:

МАЭ РАН, 2017. — 266 с. [Bereznitsky S. V. *The Russo-Chinese Caravan Trade and Russian Science of the 18th Century*. Saint-Petersburg: Museum of Ethnology and Anthropology (RAS), 2017. — 266 p. (in Russian)].

Болдырев-Казарин Д. А. Народное искусство Сибири. *Сибирская живая старина*. Этнографический сборник. Вып. 2. Иркутск, 1924. С. 5–20 [Boldyrev-Kazarin D. A. Folk Art of Siberia. *Siberian Living Antiquity*. Ethnographic Collection. Iss. 2. Irkutsk, 1924. Pp. 5–20 (in Russian)].

Выголов В. П. Архитектура барокко в Тотьме. *Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Материалы и исследования*. Вып. 1. М.: Наука, 1980. С. 103–125 [Vygolov V. P. Baroque Architecture in Totma. *The Monuments of Russian Architecture and Monumental Art. Materials and Research*. Iss. 1. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 103–125 (in Russian)].

Дунаев Б. И. «Русский барокко» Строгановские церкви Нижнего Новгорода и Сольвычегодска. Б.м., 1915. — 15 с. [Dunaev B. I. «Russian Baroque» Stroganov Churches in Nizhny Novgorod and Solvychegodsk. Unknown, 1915. — 15 p. (in Russian)].

Крючкова Т. А. Иконы святых Русского Севера в иркутских храмах и музеях. *От Русского Севера к Русской Америке. Великий Устюг в истории Сибири и Аляски*. Вологда: Древности Севера, 2013. С. 68–84 [Kryuchkova T. A. The Icons of Saints of the Russian North in Irkutsk Churches and Museums. *From the Russian North to Russian America. Veliky Ustyug in the*

History of Siberia and Alaska. Vologda: Antiquities of the North, 2013. Pp. 68–84 (in Russian)].

Крючкова Т. А. Иконописец. Китайские и сибирские страницы жизни монаха Чудова монастыря Виктора. *Иркутский кремль Православный альманах*. 2009. № 3. С. 43–45 [Kryuchkova T. A. Icon Painter. Chinese and Siberian Pages of the Life of the Monk Victor of Chudov Monastery. *Irkutsk Kremlin. The Orthodox Almanac*. 2009. No. 3. Pp. 43–45 (in Russian)].

Кузнецов А. В., Новоселов А. М. *По следам тотемского барокко: альбом-путеводитель*. Вологда: Древности Севера, 2016. — 127 с. [Kuznetsov A. V., Novoselov A. M. *In the Footsteps of Totma Baroque: The Album-Guide*. Vologda: Antiquities of the North, 2016. — 127 p. (in Russian)].

Майдар Д., Пюрвеев Д. Б. *От кочевой до мобильной архитектуры*. М.: Стройиздат, 1980. — 216 с. [Maidar D., Pyurveev D. B. *From Nomadic to Mobile Architecture*. Moscow: Stroyizdat, 1980. — 216 p. (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2. М.: Политиздат, 1967. Т. 12 [Marx K., Engels F. *Works*. 2nd Edition. Moscow: Politizdat, 1967. Vol. 12. (in Russian)].

Масиель-Санчес Л. К. Иркутские каменные храмы середины XVIII века. *Архитектурное наследство*. Вып. 49. М.: «КомКнига», 2008. С. 127–144 [Maciel-Sanchez L. K. Orthodox Stone Churches in Western Transbaikalia in the 18th – First Half of the 19th Centuries. The History of Regional Tradition. *The Heritage of Architecture*. Moscow: “КомКнига”. 2008. Pp. 127–144 (in Russian)].

Масиель-Санчес Л. К. Православные каменные храмы Западного Забайкалья XVIII – первой половины XIX в. История региональной традиции. *Памятники русской архитектуры и русского монументального искусства XVI–XX вв.* Вып. 7. М.: Наука, 2005. С. 178–207 [Maciel-Sanchez L. K. The Orthodox Stone Churches of Western Transbaikalia in the 18th – First Half of the 19th Centuries. History of the Regional Tradition. *The Monuments of Russian Architecture and Russian Monumental Art of the 16th–20th Centuries*. Iss. 7. Moscow: Nauka, 2005. Pp. 178 – 207 (in Russian)].

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. Сборник документов. М.: Наука, 1959. — 352 с. [Materials on the History of Russian-Mongolian Relations. 1607–1636. The Documents

Collection. Moscow: Nauka, 1959. — 352 p. (in Russian)].

Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки. *Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих [землю] морях) Японская рукопись XIX в.* Из рукописного фонда СПб ИВРРАН СПб.: Гиперион, 2009. — 392 с. [Otsuki Gentaku, Shimura Hiroyuki. *Kankai Iibun (Amazing Information about the Seas Surrounding [the Earth]). Japanese Manuscript of 19th Century*. From the Manuscript Collection of Saint-Petersburg Institute of Oriental Manuscripts (RAS). Saint-Petersburg: Gyperion, 2009. — 392 p. (in Russian)].

Петерссон Л. *Архитектура деревянных церквей и часовен Заонежья*. М.: Три квадрата, 2020. — 541 с. [Petersson L. *Architecture of Wooden Churches and Chapels of Zaonezhie*. Moscow: Tri Kvadrata, 2020. — 541 p. (in Russian)].

Подьяпольский С. С. К вопросу о восточных элементах в московском зодчестве XV–XVI веков. *Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья*. 2003. С. 9–38 [Podyapolsky S. S. On the Issue of the Oriental Elements in Moscow Architecture in 15th–16th Centuries. *The Ancient Russian Art. Late Medieval Russian Art*. 2003. Pp. 9–38 (in Russian)].

Проскурякова Т. С. Особенности сибирского барокко. *Архитектурное наследство*. Вып. 27. 1979. С. 147–160 [Proskuryakova T. S. The Features of Siberian baroque. *The Heritage of Architecture*. Moscow. Iss. 27. 1979. Pp. 147–160 (in Russian)].

Силин Е. П. *Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли*. Иркутск: ОГИЗ Иркутск. областн. изд-во, 1947. — 204 с. [Silin E. P. *Kyakhta in the 18th Century. Data from the History of Russo-Chinese Trade*. Irkutsk: OGYZ Irkutsk Regional Publ., 1947. — 204 p. (in Russian)].

Цыденова Л. Б. *Необычайная Кяхта*. Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. — 176 с. [Tsydenova L. B. *Extraordinary Kyakhta*. Ulan-Ude: NovaPrint, 2018. — 176 p. (in Russian)].

Чернышова Н. К. *Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.)*. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2009. — 536 с. [Chernyshova N. K. *Veneration of Saint Innokenty of Irkutsk in the Spiritual Culture of Russia: Book and Manuscript Tradition (1805–1919)*. Novosibirsk: State Public Science-Technical Library (Siberian Branch of RAS), 2009. — 536 p. (in Russian)].